

А. П. Окладников, Д. Л. Бродянский

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ОЧАГ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

На всем протяжении своей истории дальневосточные племена образовывали особый, резко своеобразный мир. Уже в неолите они не только создали свою оригинальную технику, материальную и духовную культуру, но и свое особенное хозяйство. Это был мир оседлых людей, живших в прочных постоянных жилищах типа полужемлянок.

На севере, в низовьях Амура экономической основой оседлости было рыболовство, специфическое для рек Тихоокеанского бассейна, с массовым ходом морской рыбы. Одна неделя такой рыболовной «страды» могла обеспечить пищевыми запасами на всю зиму.

Иной характер имела экономика племен, обитавших в Южном Приморье, на Уссури и по берегам Среднего Амура, выше Хабаровска. Здесь еще в неолите, не позднее III тысячелетия до н. э., развивается земледелие¹.

В Южном Приморье, в ходе работ Дальневосточной археологической экспедиции, были подвергнуты широкому раскопкам поселения эпохи неолита, бронзы и раннего железа (III — I тысячелетия до н. э.). Результаты этих раскопок² позволяют во многом по-новому, с надежными данными стратиграфии, подойти к проблеме древнего земледелия в этом районе земного шара. Особенно ценны материалы Майхинского комплекса — целой группы многослойных и однослойных поселений в районе р. Майхэ и оз. Топауза, раскопанных в 1960—1967 гг. Дальневосточной экспедицией совместно с Дальневосточным университетом.

Полностью раскопано поселение Майхэ I со следующей стратиграфией: 1) мезолит; 2) неолит — культура типа Гладкая I; 3) культура Сидеми, майхинский ее вариант; 4) культура Чапигоу. Два средних горизонта Майхэ I дали материалы по земледелию. Такова же стратиграфия Майхэ II (без культуры Чапигоу). Что же касается Майхэ III (Майхэ-парники), то оно представляет собой однослойное неолитическое поселение, старшее по отношению к неолитическому горизонту Майхэ I — II. Отсюда происходят древнейшие в Приморье формы мотыг и зернотерок. Следует отметить еще Кировское — двухслойный памятник, нижний горизонт которого коррелируется с Майхэ III, а к верхнему

¹ А. П. Окладников, Основные проблемы древней истории Дальнего Востока, Тезисы докладов и сообщений III Дальневосточной конференции по истории, археологии и этнографии, Комсомольск-на-Амуре, 1962, стр. 3—11; его же, Возникновение земледелия на Дальнем Востоке, Тезисы докладов и сообщений II Научной конференции по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, Владивосток, 1960, стр. 6—7; его же, Древнее поселение у известкового завода вблизи с. Екатерининского (долина р. Сучан), Сибирский археологический сборник, «Древняя Сибирь», вып. 2, Новосибирск, 1966, стр. 131—147.

² А. П. Окладников, Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края, Владивосток, 1959; его же, Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. Материалы к древней истории Дальнего Востока, Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), 112, М.—Л., 1963; «История Сибири», т. I, Л., 1968.

относится полуземлянка, где найдены зерна проса, датированные по С ¹⁴ 2197±60 лет до н. э.³ Здесь же найдены многочисленные зернотерки и архаичный («яншаоский») нож. Кроме этого майхинский комплекс дал новые сборы по классическому варианту культуры Сидеми: Майхэ — мельница, Артем ГРЭС, мыс Черепаша. Ранее раскапывались поселения на п-ове Песчаном, Гладкая I, Чапигоу, Харинская, Известковый завод у с. Екатерининского и др., а в последние годы — на островах Петро-ва и Путятин, в долине Чапигоу.

Таким образом, известно несколько групп оседлых поселений, относящихся к эпохам неолита, бронзы и раннего железа.

Группа ранних памятников невелика: Майхэ III и неолитический горизонт Кировского. Для поселений выбраны невысокие террасы в непосредственной близости от реки или озера. При современных наводнениях вода подходит к месту древнего поселка вплотную, но не затопляет его. Почвы здесь мягкие, песчаные, с большим количеством гумуса.

Следующая по времени группа неолитических поселений включает стоянки Майхэ I и II, Гладкая I, Тетюхе-пристань, Сенькина Шапка, Синий Гай. Вся эта группа памятников относится ко времени не позднее III тысячелетия до н. э.

Поселение Майхэ I занимало мысовидный холм в пойме р. Майхэ. На гребне холма и на искусственных террасах по его склону в неолитическое время располагалось более 30 домов-полуземлянок. Общая площадь поселка превышала 2500 м². Дома прямоугольные, с округлыми углами, иногда почти овальные, площадь отдельных жилищ от 8 до 45 м².

Такие дома часто вплотную примыкали друг к другу. Крышу поддерживали 1—2 ряда деревянных столбов, очаг представлял собой простое углубление в полу. Вдоль стен и у очага размещались сосуды, некоторые из них упали с какого-то возвышения или нар. Наряду с обычными для неолита Южного Приморья плоскодонными сосудами баночной формы, чашами, миниатюрными сосудиками здесь встречены высокие вазы с плавно профилированным туловом и слегка суженной шейкой. Одна такая ваза (высота 40 см, диаметр тулова 22 см) находилась в специально вырытой в полу землянки круглой яме.

Посуда украшена тонким зубчатым штамповым или прочерченным орнаментом, наиболее характерный его мотив — вертикальный зигзаг. Наряду с этим встречается меандровый узор, нанесенный отступающей лопаточкой, пояски из косых вдавлений, пересекающиеся прочерченные ногтем штрихи, изредка — сложные спиральные завитки, заполненные ямками-наколами. Донышки сосудов украшались резным рисунком в виде жилок древесного листа. Такая же керамика характерна для ряда неолитических памятников Северной Кореи, с которыми поселения типа Майхэ I — Гладкая I, несомненно, находятся в ближайшем родстве.

Шлифованные рубящие орудия (овальные в сечении топоры и односторонне выпуклые тесла) изготавливались из зеленых пород вулканического происхождения; ретушированные орудия (ножи, проколки, наконечники) — преимущественно из обсидиана. Ножи и наконечники стрел изготавливались также из шифера, при этом применялась как малопригодная для такого материала ретушь, так и шлифовка. Найдены многочисленные отбойники, терочники, ложила, камни для добывания огня, глиняные пряслица. Встречаются также рыболовецкие грузила из мелких галек.

Наряду с этими предметами на полу неолитических полуземлянок Майхэ I найдены плиты и куранты зернотерок, каменные мотыги. На-

³ В. В. Артемьев, С. В. Бүтомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова, С. И. Руденко, Радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста, в сб.: «Работы лаборатории ИА АН СССР», М., 1961, стр. 22.

ходка *in situ* плечиковых мотыг позволила надежно датировать всю группу таких орудий из южноприморских поселений.

Древнейшие в Приморье каменные мотыги появляются в Майхэ III. Это маленькие трапециевидные орудия из серого сланца, грубо оббитые, односторонне выпуклые, длина их 9—12 см, ширина 4—5 см. Такие же мотыжки встречаются в НовоПетровской культуре пластин на Среднем Амуре, но не сопровождаются там зернотерками. В Майхэ III собрана большая серия таких мотыжек.

Следующий этап в развитии приморских каменных мотыг представлен крупными изделиями с хорошо выраженной рабочей частью, узким верхом и слабо намеченными плечиками или просто сужением посередине. Длина их 17—21 см, ширина 5—9 см. Изготавливались они преимущественно из сланца, обработаны крупными сколами, причем частично сохраняется естественная корка по длинной оси орудия. Такие мотыги найдены в неолитических горизонтах Майхэ I—II, на о. Петрова, на о. Путятин, в нижнем слое Чапигоу.

Третий тип — мотыги с хорошо выраженными плечиками и узким черенком («плечиковые»). Такие мотыги найдены в Тетюхе, Кировском, на о. Путятин. На о. Петрова на небольшой площади собрано несколько десятков мотыг второго и третьего типа. Известно, что плечиковые мотыги найдены на месте неолитических поселений Маньчжурии⁴ и Северной Кореи⁵. Есть они и в неолите Японии, в позднем дзёмоне⁶, где соответственно должны быть датированы III тысячелетием до н. э.⁷ Неолитические мотыги первого и второго типа сближаются с мотыгами из Хассуны (Северный Ирак, VI тысячелетие до н. э.)⁸, но здесь не может идти речь о заимствовании: форма каменной мотыги вырабатывалась на Дальнем Востоке постепенно и конвергентно.

Мотыги более близкого по времени и расстоянию земледельческого центра в Северном Китае — культуры Яншао — заметно отличаются от приморских. Мотыги из Баньпо⁹ или из яншаоского слоя Мяодигоу¹⁰ представляют собой продолговатые приостренные гальки, оббитые по краю, с боковыми выемками-перехватами для крепления к рукояти. Вместе с тем в Баньпо одна из мотыжек отдаленно напоминает мотыжки Майхэ III¹¹.

В нижнем, неолитическом слое поселения на р. Чапигоу и на о. Путятин найдены землеройные орудия еще одного типа — трапециевидные, лопатообразные. Широкие и тяжелые, они изготовлены из зеленого сланца, длина их составляет 18—20 см, ширина — 9—10 см. Возможно, что такое орудие применялось как тяжелая мотыга при снятии дернины, но вероятнее предположить, что этой цели служили палки-копалки, такие же как у папуасов берега Маклая. Мотыги первых трех типов могли применяться на мягких наносных почвах типа гумусированных

⁴ Лян Сы-юн, Неолитические каменные орудия и керамика из сборов в Чабу-ганьмяо, Линьси, Шуандин, Чифэн и др. местонахождениях, пров. Жэхэ, в кн.: «Сб. статей Лян Сы-юна», Пекин, 1959 (на кит. яз.), стр. 142, рис. 25, 1 (мотыга из Чифэна); В. Е. Ларичев, Неолит Дунбэя и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии, в кн.: «Археологический сб.», I, Улан-Удэ, 1959, стр. 40—48, табл. I, 1, табл. IV, 3.

⁵ «Отчет о раскопках первобытной стоянки на острове Чходо, уезд Начжин», Пхеньян, 1956 (на кор. яз.), табл. XLIV, I; Отчет о раскопках первобытной стоянки в селе Одон, уезд Херен, «Доклады о раскопках», вып. 7, АН КНДР, Пхеньян, 1960 (на кор. яз.), табл. XLIX, L, II.

⁶ Sugihara, Shell-mounds in Ichikawa city, «Kokogaku Syukan», vol. 2, № 2, Tokyo, 1963, pl. 33, 12; g. J. Groot, The Prehistory of Japan, New York, 1951, pl. XL.

⁷ F. I k a w a, The Continuity of Non-Ceramic to Ceramic Cultures in Japan, «Arctic Anthropology», vol. 2, № 2, 1964, pp. 112—113 (Иваяма в долине Канто датирована 2563 г. до н. э., 2596 г. до н. э.).

⁸ Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, рис. 56.

⁹ «Стоянка Баньпо у г. Сиань», Пекин, 1963 (на кит. яз.), рис. 59—62.

¹⁰ «Мяодигоу и Саньлицяо», Пекин, 1959 (на кит. яз.), стр. 59, рис. 39, 1—4.

¹¹ «Стоянка Баньпо...», рис. 61, 3.

песков в долине Майхэ, а также при обработке уже поднятой дернины. Для выкапывания съедобных корней, клубней, луковиц они непригодны. В отдельных случаях мотыги могли быть использованы при рытье котлованов под землянки и хозяйственных ям, но в Майхэ I грунт не всегда поддается даже железной лопате. Скорее здесь применяли кирки из рога оленя, такие кирки найдены в неолитическом поселении Гунсан в Северной Корее¹² (на этом же поселении есть каменные мотыги второго типа)¹³.

В поселениях, где появляются первые подражания в камне бронзовым изделиям, весь облик инвентаря резко меняется и каменные мотыги исчезают. Получают распространение новые приемы обработки земли, меняется сам облик хозяйства: наряду с мотыжным земледелием, по-видимому, появляется и пашенное.

На сопке Харинской в районе оз. Ханка, в дикой и живописной местности, среди гор, покрытых густыми зарослями первобытного леса, уцелели остатки поселения, состоявшего из нескольких десятков жилищ полуподземного типа. Все эти жилища были сооружены по одному плану. В рыхлых отложениях супеси на плоской вершине холма сначала выкапывалось углубление с почти отвесными стенками, в виде прямоугольника со скругленными углами, иногда почти овала. В центре располагалась очажная яма, в двух случаях очаг был выложен каменными плитами. По краям котлована, как обычно на Дальнем Востоке, ставились с небольшими интервалами столбы, служившие опорой для стен. Вместе с каменными топорами, овальными и прямоугольными в поперечном сечении, а также шлифованными листовидными наконечниками стрел в Харинской найдены каменный клинок, имитирующий бронзовый наконечник копья сейминско-турбинского типа, и вырезанная из камня копия полшаровидной бронзовой бляшки. Такая же каменная бляшка найдена в многослойном поселении Одон (провинция Сев. Хамгён, Корея)¹⁴. С Одоном Харинскую сближают и шесть зооморфных фигурок из глины. В Одоне найдена большая серия таких же фигурок из камня¹⁵, есть они и в Конгвири¹⁶. Это «мяблихень», или «соколиные клювы», как их называют корейские археологи.

Копии бронзовых вещей позволяют датировать культуру Харинской концом II тысячелетия до н. э. Сочетание в инвентаре черт, характерных как для неолита, так и для раннего железа, вполне согласуется с такой датировкой. Племена Приморья уже хорошо были знакомы с металлом и имели контакты с теми, у кого металл прочно вошел в быт. Это была уже культура бронзового века, хотя в Приморье металл все еще был редкостью.

Древний поселок на сопке Харинской не случайно, по-видимому, оказался в глухом и труднодоступном месте, на вершине изолированного холма. Это, тем не менее, не спасло древний поселок от горькой судьбы. Он погиб внезапно, в огне пожара. На полу и вдоль стен жилищ грудами лежали чаши-пиалы, рядом находились совершенно целые, глубоко врытые в землю, большие узкогорлые сосуды для хранения запасов продовольствия. Рядом с жилищами находились плоские плиты зерно-терок, ладьевидные куранты к ним, шиферные полулунные ножи и ножи с черешком. И, наконец, здесь же был найден предмет, возможно, являвшийся каменным лемехом плуга.

¹² «Отчет о раскопках первобытной стоянки в Гунсане», «Исследования Института археологии и этнографии АН КНДР», вып. 2, Пхеньян, 1957 (на кор. яз.), табл. 29.

¹³ Там же, табл. 16, 9.

¹⁴ «Отчет о раскопках первобытной стоянки в селе Одон...», табл. СХХ, 9.

¹⁵ Там же, табл. LXXII—LXXIV.

¹⁶ Ким Ен Ган, «Отчет о раскопках первобытной стоянки в Конгвири у г. Кангё», «Доклады о раскопках», вып. 6, АН КНДР, Пхеньян, 1959 (на кор. яз.), стр. 81, табл. XLV, 2, 3, XLVI, 4—6.

В археологической литературе уже давно стали известны эти оригинальные каменные изделия. Впервые описал и определил их как земледельческие орудия известный исследователь неолита Северного Китая Э. Лисан¹⁷. Затем такие же каменные предметы были найдены в Маньчжурии и Внутренней Монголии, в долине р. Ляохэ, в горном районе Жэхэ и других местах¹⁸. В Хуншаньхоу, у г. Чифэн, на втором поселении четыре таких изделия были обнаружены *in situ* в культурном слое с крашеной керамикой и неолитическими орудиями типа Линьси, т. е. в слое первой доисторической культуры Чифэна, которую японские археологи датировали 3000—1500 гг. до н. э.¹⁹

Эти орудия имеют устойчивую и характерную форму. Они обладают широким параболическим или узким острым лезвием и суженным или косо срезанным насадом. Поверхность в одних случаях оббита, в других сплошь заполирована, возможно, в результате длительного употребления. Э. Лисан отметил на них характерные для лемеха следы работы. Длина изделий 30—45 см, ширина 15—18 см. Судя по весу и исключительно большим размерам, они не могли служить мотыгами.

В 1956 г. корейские археологи нашли 30 таких лемехов на поселении Дитапли, у г. Саривон в провинции Хванхэ. Длина их в большинстве случаев равна 30 см при ширине 15 см, но есть и лемехи длиной до 65 см. В Дитапли найдены также зернотерки, каменные серпы, а также обугленные зерна двух видов проса, хранившиеся в горшке с характерным гребенчато-елочным узором²⁰.

Обломок лемеха, подобный описанному Лисаном, А. П. Окладников обнаружил в 1951 г. в Агинских степях вместе с неолитическими изделиями из камня. Можно вслед за Лисаном предполагать, что на обширных пространствах Маньчжурии, Внутренней Монголии, Северной Кореи и Южного Приморья, отчасти Забайкалья уже в неолитическое время и в начале бронзового века могла существовать обработка земли плугом. Интересно в связи с этим отметить, что в древнейшей земледельческой культуре Китая — Яншао — нет никаких следов применения плуга. Первые следы пахоты можно, по-видимому, обнаружить лишь в так называемом «хэнаньском Луншане» — культуре, занимающей промежуточное положение между Яншао и Инь, причем единственным свидетельством такого рода является небольшая каменная сошник со стоянки Эрланган в западной Хэнани²¹. Сошник грушевидной формы, размеры его 18×12×1,2 см, т. е. он примерно вдвое меньше каменных лемехов Маньчжурии и Кореи. Показательно, что наряду с этим одиночным свидетельством пахоты на всех луншаньских поселениях в тех же слоях найдено большое количество мотыг: прямоугольных или трапецевидных, с выпуклым или скошенным острым лезвием, прекрасно отшлифованных, с отверстием для крепления рукояти или без него. Следова-

¹⁷ C. Licent et P. Teilhard de Chardin, Note sur deux instruments agricoles du Néolithique de Chine, «L'Anthropologie», XXXV, 1925.

¹⁸ E. Licent, Les collections néolithiques du Musée Hoagho Paiho de Tientsin, No. 14, Tientsin, 1931, pl. 63; J. Yawata, Contribution to the Prehistoric Archaeology of Northern Jehol, Report of the first Scientific Exped. to Manchoukuo, sect. VI, part III, «Anthropology», 1940, pl. XVI, p. 42; «Hung-Shan-Hou, Chin-Feng», «Archaeologia Orientalis», ser. A, vol. VI, Tokyo, 1938, pp. 5—7, pl. XLI, 27—32; А. П. Окладников, О начале земледелия за Байкалом и в Монголии, в сб. «Древний мир». М., 1962, стр. 426—431, рис. 54, 1—3; В. Е. Ларичев, Неолит Дунбэя..., стр. 40—59, табл. IV, рис. 5, 8; Сунь Чан-сюй, Возникновение и развитие лэй и сы, Шанхай, 1959 (на кит. яз.), стр. 36, рис. 14.

¹⁹ «Hung-Shan-Hou, Chin-Feng», pp. 5—7.

²⁰ То Ю Хо, Хван Ги Док, Предварительный отчет о раскопках первобытных памятников в селе Дитапли, «Мунхва Юсан», 1957, № 5; А. П. Окладников, Ким Ен Нам, Новые работы по каменному веку Кореи, «Сов. археология», 1958, № 4, стр. 232—236.

²¹ «Неолитическая стоянка Эрланган в уезде Наньчжао, пров. Хэнань», «Вэньбу», 1959, 7, стр. 55—59.

но, в бассейне Хуанхэ в доиньское время преобладала ручная обработка земли, а появление пахоты, если оно и имело место, произошло не без влияния племен северо-востока.

Если на Дальнем Востоке и в соседних районах земледелие сначала имело в своей основе употребление каменных орудий, то дальнейшее развитие обработки почвы на этой территории связано с появлением железа, ранним и своеобразным. Широко известны находки литых чугуновых кельтов с прямоугольной втулкой. Ареал их распространения охватывает Приморье, Средний Амур, Маньчжурию и Корею. Они могли использоваться как наконечники сельскохозяйственных орудий. В Приморье такие кельты найдены в поселениях культуры Сидеми, на п-ове Песчаном²² и на сопке М. Подушечка²³.

Еще более архаичные железные орудия найдены в жилищах сидеминского горизонта Майхэ I. Всего таких жилищ в Майхэ I более 20, они возникли на месте неолитического поселка и прорезают заплывшие котлованы неолитических землянок. По ряду признаков майхинский вариант культуры Сидеми старше поселения на п-ове Песчаном. Железных предметов найдено шесть, все они однотипны и представляют собой удлиненную трапециевидную пластину с двумя продольными бортиками-закраинами. Бортики образуют кельтовидный насад и, если приварить к бортикам вторую такую же пластину, получится длинный узкий кельт с прямоугольной втулкой. В трех случаях аналогичное железное орудие найдено рядом с жатвенным шиферным ножом. Точно такие же по форме и размерам железные орудия найдены на Амуре, на о. Урил, в урильской культуре. Ближайшую аналогию эти орудия нашли в корейском этнографическом материале. В XIX в. корейские крестьяне пользовались деревянными заступами, на которые насаживали железный наконечник той же формы, но значительно больших размеров²⁴. Можно допустить, что железные изделия из Майхэ I использовались как наконечники двузубых мотыг или заступов и насаживались на деревянное основание.

Наряду с орудиями обработки почвы широко представлены зернотерки. На материале приморских памятников удалось проследить эволюцию этих орудий и время их появления. Плиты и куранты-бегунки изготовлены из местных гранитов и эффузивных базальтов. Поверхность их обрабатывалась точечной оббивкой, рабочие плоскости подвергались дополнительной «проковке» и зашлифовывались в процессе использования. На рабочих поверхностях плит и курантов заметны узкие параллельные борозды, что придает этим поверхностям характерную шероховатость.

Плиты зернотерок массивные, овальные или прямоугольные, со сглаженными углами, длина их около 40 см, ширина 20—25 см при толщине 5—7 см. По характеру рабочей поверхности можно выделить в Приморье два вида зернотерок: ступенчатые и «тарелкообразные».

Ступенчатые зернотерки найдены в Майхэ I. На полу неолитических жилищ № 24, 26, 29, 30-«а» лежали рабочей поверхностью вниз четыре совершенно целые плиты. На рабочей поверхности их заметен хорошо выраженный уступ-ступенька, причем нижняя из двух площадок — вогнутая, а верхняя — плоская; следы использования сильнее выражены на нижней.

Другой тип — «тарелкообразные» зернотерки, с плоской или вогнутой рабочей поверхностью и выпуклой противоположной стороной. Такие плиты есть в неолитических поселениях (Тетюхе, нижний слой Чапигоу), в памятниках эпохи бронзы (верхний слой Кировского, Харин-

²² А. П. Окладников, Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.

²³ Ж. В. Андреева, Памятники железного века в Приморье, «Записки Приморского филиала Географического общества СССР», т. XXV, Владивосток, 1966, стр. 136.

²⁴ M. He y d r i c h, Koreanische Landwirtschaft, Leipzig, 1931, рис. 7.

ская) и раннего железа, в сидеминских землянках Майхэ I и II, о. Путятин, Песчаного. Иногда встречаются плиты с приподнятыми над рабочей поверхностью узкими сторонами, что придает им ладьевидные очертания. Это сильно сработанные «тарелкообразные» зернотерки.

Большее разнообразие обнаруживают куранты от зернотерок. Можно выделить следующие типы курантов.

1. Трапецевидные, короткие и узкие (длина не более 14 см, высота до 8 см, ширина рабочей части 2,5—4 см). Рабочая поверхность выпуклая или скошенная. Эти архаичные куранты появляются в Майхэ III одновременно с мотыжками первого типа. Есть, наряду с другими, трапецевидные куранты и в неолите Майхэ I и II.

2. Сегментовидные, длинные (23—30 см) и узкие (2—6 см), высотой 6—12 см. Рабочая поверхность их характерным образом скошена, растирание таким курантом производилось при движении от себя. Сегментовидные куранты есть в неолитических и сидеминских жилищах Майхэ I—II, в Кировском (верхний слой), Екатерининском.

3. Сегментовидные, широкие, с дугообразно выпуклой спинкой и плоской или скошенной рабочей поверхностью. По одному такому изделию найдено в Тетюхэ и Майхэ II, подобные же куранты найдены на поздненеолитических стоянках Южной Гоби около Сайн-Шанда и на р. Шара-Мурен.

4. Ладьевидные. Ранние находки представлены одиночными экземплярами из неолита Гладкой I и Майхэ I. Ладьевидные куранты характерны для Харинской и сидеминских поселений типа Песчаного. Производительность труда при ладьевидных курантах была наибольшей.

Таким образом, можно проследить эволюцию курантов: от архаичных коротких трапецевидных к длинным сегментовидным и далее к ладьевидным, с выступающими краями. Весь этот процесс развития укладывается, как и у мотыг, в рамках неолита, но узкие сегментовидные куранты доживают до раннего железа (майхинский вариант культуры Сидеми).

Зернотерки и куранты, хорошо знакомые нам по Приморью,— одна из самых распространенных находок в Корее и Маньчжурии, есть они и в Монголии. В Северной Корее, в Гунсане, есть ладьевидные плиты и куранты второго и четвертого типов²⁵. Ладьевидные куранты и плиты найдены в Одоне²⁶. Всего в провинции Сев. Хамгён обнаружено несколько сот зернотерок и курантов, причем только в поселении Нонфори найдено их около 60; некоторые из зернотерок и курантов сопровождалось оббитыми изделиями из кремня²⁷. В Маньчжурии В. В. Поносов обнаружил ладьевидные зернотерки в нижнем течении р. Муданьцзян, возле оз. Цзинбоху²⁸. Лян Сы-юн нашел ладьевидный курант в неолитическом комплексе Линьси²⁹. Два архаичных куранта найдены в районе Ананци³⁰. Наибольшее число находок в Маньчжурии сделано на юге, на Ляодунском полуострове, в долине р. Ляохэ, в горном районе Жэхэ и в соседних районах Внутренней Монголии³¹. В Чифэне на первом поселении найдены классические ладьевидные зернотерки и своеобразная крупорушка: массивная плита с правильным круглым углублением в виде чаши с плоским дном и пест-терочник с плоской рабочей поверх-

²⁵ «Отчет о раскопках первобытной стоянки в Гунсане...», табл. 14, 4, 5, табл. 15, 1—8.

²⁶ «Отчет о раскопках первобытной стоянки в с. Одон...», табл. LIII—LVII.

²⁷ А. П. Окладников, Ким Ен Нам, Новые работы по каменному веку Кореи, «Сов. археология», 1958, № 4, стр. 234—235.

²⁸ V. V. Ponomov, Prehistorical Culture of the Eastern Manchuria, «Bull. of the Institute of Scientific Research, Manchoukuo», vol. 2, No. 3, Hsinking, 1938.

²⁹ Лян Сы-юн, Неолитические каменные орудия..., стр. 132, рис. 17.

³⁰ В. Е. Ларичев, Неолитические памятники бассейна Верхнего Амура (Ананци, Дунбэй, МИА, 86, М.—Л., 1960, рис. 16, 5, стр. 123.

³¹ В. Е. Ларичев, Неолит Дунбэй..., стр. 40—59.

ностью (песту придана форма фаллоса). Такая же крупорушка найдена на Среднем Амуре, на Осиновом озере, здесь же найдены сегментовидные куранты, аналогичные приморским³². Ладьевидные зернотерки Дальнего Востока находят себе и другие аналогии. Именно такие зернотерки, предшествующие позднейшим ручным мельницам с вращающимися вокруг своей оси круглыми жерновами, постоянно встречаются в древнейших земледельческих культурах земного шара³³.

Своеобразны дальневосточные орудия для сбора урожая: жатвенные ножи и серпы. Здесь неизвестны вкладышевые ножи-серпы, обычные для древнейших земледельческих культур Средиземноморья и Средней Азии. В неолите на Амуре и в Приморье употреблялись широкие плоские ножи, иногда со слегка искривленным концом, по очертаниям напоминающие общеизвестные мустьерские острия с краевой ретушью. Вероятно, эти специфические для Дальнего Востока инструменты служили рыболовам Амура и Приморья для разделывания добычи, для приготовления ююлы и для снятия с больших рыб шкур, из которых они, подобно нанайцам и ульчам, шили одежду и обувь. Вместе с тем в неолитических слоях Майхэ I — II, Кировского и Майхэ III есть ретушированные шиферные ножи и широкие шиферные пластины с острым краем. В слоях, относящихся к III — началу II тысячелетия до н. э., появляются ножи другого типа: шлифованные, преимущественно из шифера, полулунные, трапецевидные, прямоугольные, с отверстием для крепления или без него. Лезвие этих ножей бывает прямым, скошенным, выпуклым, реже вогнутым. Такие или близкие к ним формы ножей бытуют в течение длительного времени по всей Восточной Азии и широко известны в литературе как жатвенные ножи или ножи-серпы³⁴. Первые их сельскохозяйственное назначение установил И. Г. Андерсон, он же сопоставил их с железными ножами из Шаньдуна, Чжили (Хэбэя) и Жэхэ³⁵.

В Корее и Маньчжурии железные ножи, копирующие форму каменных прототипов, сохранили свое прямое назначение как серпы и жатвенные ножи³⁶. Трапецевидные железные ножи с прямым лезвием, к которым при помощи двух отверстий крепилось приспособление для держания орудия, применялись крестьянами некоторых уездов Южной Маньчжурии и Северного Китая для срезания метелок гаоляна.

Древнейшей формой жатвенных ножей И. Г. Андерсон и китайские исследователи считают ножи без отверстия, с боковыми выемками для крепления рукояти. По форме они бывают полулунными, трапецевидными или прямоугольными, но все имеют прямое лезвие. Один такой полулунный нож найден в Кировском. В Китае ножи с боковыми выемками найдены в слоях культуры Яншао³⁷. В Баньпо они сочетаются с полулунными ножами, имеющими серпообразно вогнутое лезвие, и трапецевидными (все ножи без отверстий, с односторонней заточкой, оббиты и лишь частично отшлифованы)³⁸. Нож с боковыми выемками найден в знаменитом гроте Шагоутун³⁹.

³² «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 149—150.

³³ J. Storck. W. Darwin, A History of Milling, Flour for Man's Bread, Teaqus, 1952.

³⁴ Ань Чжи-мин, Каменные ножи китайской древности, «Каогу сюэбао», 1955, № 10, стр. 27—51.

³⁵ J. G. Andersson, An early Chinese culture, «Bulletin of the Geological Survey of China», No 5, p. 1, Peking, 1923, p. 44; его же, Researches into the Prehistory of Chinese, «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», No. 15, Stockholm, 1943, pl. 24, 1—3, pl. 25, 1.

³⁶ M. Heydrich, Koreanische Landwirtschaft, рис. 9—11; В. С. Стариков, Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР, М., 1967, стр. 158, рис. 59, 60.

³⁷ «Мяодигоу и Сяньлицяо...», табл. XLVIII, 1, 2.

³⁸ «Стоянка Баньпо у г. Сиань...», рис. 64—1—5.

³⁹ J. G. Andersson, Children of the Yellow Earth, London, 1934, p. 202, fig. 90.

В луншаньских слоях Северного и Восточного Китая появляются собственно серпы или «асимметричные ножи», как их называл Й. Г. Андерсон⁴⁰.

В это же время широко распространяются и ножи с отверстиями.

В приморских памятниках полулунные, а несколько позднее, по-видимому, трапецевидные и прямоугольные ножи с одним отверстием и ножи с черенком появляются вместе с каменными копиями бронзовых вещей. В Харинской есть полулунные ножи с прямым лезвием и группа ножей с черенком, в том числе один настоящий серп, узкий, с характерно выгнутой спинкой и вогнутым лезвием. Видно, что серп перетачивали. В сидеминских жилищах на п-ове Песчаном, в Майхэ I и других памятниках есть полулунные, трапецевидные и прямоугольные сверленные ножи. Это обычная находка и в уже знакомых нам поселениях Северной Кореи⁴¹ и Маньчжурии⁴².

Налицо, таким образом, целый комплекс сельскохозяйственных орудий, бытовавших в Приморье, Корее и Маньчжурии, все необходимое для земледельческого труда. Но этими находками не исчерпываются свидетельства древнего земледелия. Еще в прошлом веке Ф. Ф. Буссе, раскапывая землянку в с. Ивановка в Приморье, обнаружил раздавленные камнями большие горшки, в которых уцелели остатки «обугленного содержания». Как сообщается в отчете о раскопках Буссе, опубликованном в 1893 г., это «обугленное содержание» сосудов представляло собою хлебные зерна. В той же землянке оказались «скребки из обсидиана»⁴³.

Выше мы уже упомянули о зернах двух видов проса, найденных корейскими археологами в Дитапли. Еще одна находка зерна (по-видимому, проса) сделана в Одоне⁴⁴. В Майхэ I, на полу сидеминского жилища, также найдены обугленные зерна. У пос. Кировского, в помещении, относившемся к верхнему слою и служившем кладовой, найдены целые глиняные сосуды, в одном из которых сохранились обугленные зерна. Это зерно чумизы, итальянского проса (*Setaria italica*). Зерна чумизы оказались и в слое поселения у известкового завода, вблизи села Екатерининского⁴⁵.

Для хранения зерна использовались узкогорлые большие сосуды, врытым в пол. В одном из сидеминских домов Майхэ II обнаружена кладовая: прямоугольное помещение, вдоль стен которого помещались 14 ям с впущенными в них сосудами. В глиняных корчагах и кувшинах с глиняными крышками хранят зерно корейские крестьяне, сберегая его от порчи и грызунов⁴⁶, и так же хранили зерно едва ли не во всех древних земледельческих культурах мира.

Что же касается природной среды, существенно важной для возникновения земледелия, то по количеству видов полезных растений, по

⁴⁰ Li Chi, Liang Ssü-Jung, Wu Chin-Ting, Cheng-Tzu-Yai. The black pottery culture site at Lung-Shan-Chen in Li-Cheng-Hsien, Shantung province, New Haven, 1956; J. G. Andersson, *Researches...*, pp. 65—66; Лю Дунь-юань, Обследование луншаньской стоянки у пос. Лянчэнжэнь, уезд Жичжао, «Каогу сюэбао», 1958, I, стр. 25—42.

⁴¹ «Отчет о раскопках первобытной стоянки на о. Чходо...», табл. XLV, XLVI; «Отчет о раскопках первобытной стоянки в селе Одон...», табл. CII, 1—5, XLVII, 2, 4, 5, 8, 10—12; Ким Ен Ган, Отчет о раскопках первобытной стоянки в Конгвири у г. Кангё, «Доклады о раскопках», вып. 6, Пхеньян, 1959 (на кор. яз.), табл. XXX, XXXI.

⁴² «Mu-Yang-Ching», «Archaeologie Orientalis», vol. II, Tokyo, Kyoto, 1931, fig. 5, 5—7; «Hung-Shan-Hou, Chin-Feng», pl. XXVI, 25, 26; В. Е. Ларичев, Неолит Дунбэя..., табл. VIII, 13, 18, 26, 25.

⁴³ «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 142.

⁴⁴ «Отчет о раскопках стоянки в с. Одон...», табл. CXXVI, 2.

⁴⁵ А. П. Окладников, Древнее поселение у с. Екатерининского... стр. 132; В. Н. Лысов, Чумиза и просо в условиях Приморского края, «Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь», вып. 2, Новосибирск, 1966, стр. 148—150.

⁴⁶ В. Т. Зайчиков, Корея, М., 1951, стр. 196—197.

их разнообразию и ценности флора Приморья равноценна или почти равноценна флоре Закавказья и Средней Азии⁴⁷, т. е. районов древнейшего земледелия на территории СССР, примыкающих вплотную к Передней Азии, первой колыбели мирового земледелия.

Одним из вероятных предков чумизы В. Л. Комаров называет зеленый мышей (*Setaria viridis*). На Дальнем Востоке он представлен многочисленными формами, причем нередко их крайне трудно отличить от одичавших и потерявших лопастность соцветий особой чумизы⁴⁸. «Таким образом, происхождение итальянского проса (чумизы) с Дальнего Востока от нескольких разновидностей зеленого мышей, дающего гомологический ряд изменений, параллельных изменениям проса, более чем вероятно»⁴⁹.

В. Л. Комаров рассмотрел вопрос о происхождении такого несомненно дальневосточного растения, как соя. По наблюдениям В. Л. Комарова и Б. В. Скворцова, дикая соя очень распространена в Маньчжурии, на Амуре и в Уссурийском крае, заходит она и в Северный Китай⁵⁰. В. Л. Комаров полагал, что есть все основания считать уссурийскую сою одним из родоначальников культурной и выдвинул три гипотезы происхождения культурной сои: 1) прямое происхождение культурного растения от дикой уссурийской; 2) происхождение этого растения от помесей между уссурийской дикой и войлочной соей Северного Китая и Южной Маньчжурии; 3) происхождение культурной сои от исчезнувших диких предков при участии уссурийской сои⁵¹.

Можно отметить еще несколько видов дикорастущих растений, которые могли быть в этом районе объектами развитого собирательства — необходимой предпосылки земледелия. На Дальнем Востоке растет до шести видов манника. Все они — водно-болотные растения, образующие небольшие заросли по берегам озер и речных стариц, в понижениях почвы, периодически заполняемых водой во время наводнений, и на заливных лугах (р. Суйфун). Чаще других встречается манник колосковый, манник трехцветковый и манник уссурийский. Манник наплывающий — старинный пищевой продукт, под именем «манны» хорошо известный населению лесных районов Швеции, Польши, Венгрии и Северо-Запада СССР. Зерна манника содержат около 75% крахмала и сахара, 9,7% белка, 0,4% жира⁵².

В долине р. Уссури и в пределах Суйфуно-Ханкайской низменности, в озерах, старицах, в тихих протоках и заливах растет цицания широколистная, или маньчжурский дикий водяной рис. Близкий к ней вид, цицания водяная, была одним из популярных зерновых растений у североамериканских индейцев. Как известно, в Северном и Южном Китае водяной рис разводится как культурное растение. В пищу идут зерна, из которых делают лепешки, варят кашу. В голодные годы в Китае едят корневища цицании в печеном виде или сушат и приготавливают из них род муки. В пищу идут и сладкие молодые побеги и основания стеблей⁵³.

В Приморье растет восемь видов дикой вики, ее бобы напоминают плоды гороха. В урожайный год с одного крупного куста уссурийской вики можно собрать до 250 г очищенных от стручков горошин⁵⁴. В Япо-

⁴⁷ Б. П. Колесников, Полезные растения Приморского края, перспективы их использования и задачи дальнейшего изучения. Состояние и перспективы изучения растительных ресурсов СССР, М.—Л., 1958, стр. 193.

⁴⁸ В. Л. Комаров, Происхождение культурных растений, М.—Л., 1931, стр. 112.

⁴⁹ Там же, стр. 116.

⁵⁰ Там же, стр. 177.

⁵¹ Там же, стр. 179—180.

⁵² Б. П. Колесников, Дикie съедобные растения, Владивосток, 1943, стр. 9.

⁵³ Там же, стр. 8.

⁵⁴ Там же, стр. 18.

нии, Корею, Китай культивируются растущие у нас в диком виде водяной орех, стрелолист, лопух и др.⁵⁵

Первые пробы спорово-пыльцевого анализа, взятые из неолитического слоя погребенной почвы в поселении на р. Чапигоу, позволяют предположить, что растительность неолитического времени близка к современной⁵⁶. Мы вправе говорить о благоприятном геоботаническом фоне и наличии дикорастущих, пригодных для культивации, т. е. о наличии в Приморье и на соседних территориях необходимейшего условия для перехода к земледелию.

Естественно возникает вопрос о взаимоотношениях этого дальневосточного очага земледелия с соседними областями (Китаем, Монголией, Японией) и более отдаленными районами, в том числе с островным миром Тихого океана и Юго-Восточной Азией.

После открытий И. Г. Андерсона и китайских археологов признанным центром древнего земледелия является бассейн р. Хуанхэ и ее притоков.

Раскопки последних лет в бассейне Янцзы открыли группу неолитических культур, сложные взаимосвязи которых далеко еще не ясны. Культура крашеной керамики Цюйцзялин территориально соприкасается с культурой Яншао, но резко отлична от нее. Единственный вид злаков на стоянках Цюйцзялин — рис, тогда как в культуре Яншао рис практически неизвестен. Таким образом, на территории собственно Китая сейчас известны по крайней мере два независимых очага неолитического земледелия: северный с возделыванием чумизы и южный — с древнейшим рисосеянием⁵⁷.

Северокитайский и дальневосточный земледельческие очаги сближает возделывание чумизы, использование каменных мотыг и шлифованных каменных ножей-серпов. Вместе с тем явственно проступают черты глубокого своеобразия дальневосточного очага: в Приморье, на севере Кореи и в Маньчжурии нет шлифованных мотыг Яншао и Луншань, здесь раньше и шире на смену мотыжному приходит плужное земледелие с каменными лемехами плугов. В Китае до сих пор не найдены мезолитические культуры, техника шлифованных орудий появляется неожиданно. В то же самое время к северо-востоку и северу за гранью, так четко обозначенной впоследствии Великой китайской стеной, лежит мир ретушированных орудий, в Приморье и в Северной Корее — преимущественно обсидиановых. И на востоке этого мира, в области богатейшей уссурийской флоры и на стыке степей и плодородных речных долин, а также в горных долинах мотыги и зернотерки появляются уже в III тысячелетии до н. э., т. е. одновременно с культурой Яншао. Появляются также первые шиферные изделия, часто еще ретушированные. Возделывается просо (чумиза), одомашнены свинья и собака.

Вне зависимости от решения вопроса о приоритете одного из этих двух центров (если такое решение вообще возможно) мы приходим к выводу о длительном синхронном развитии двух земледельческих культурных провинций Восточной Азии. Южная Маньчжурия, Жэхэ и восточная часть Внутренней Монголии были той зоной контактов, через которую осуществлялись связи и взаимодействие двух миров. В этом взаимодействии дальневосточный земледельческий очаг не был только последователем своего юго-западного соседа, но обогащал его новыми элементами. Один из таких элементов — плуг с каменным лемехом — вероятнее всего проник в культуру Луншань с северо-востока. Возможно, отсюда же пришли в Китай просо (чумиза) и конструкция прямоугольного полуподземного дома.

⁵⁵ Там же, стр. 4.

⁵⁶ Определение О. В. Шугаевской и Т. П. Бутылиной.

⁵⁷ М. В. Крюков, У истоков древних культур Восточной Азии, «Народы Азии и Африки», 1964, № 6, стр. 85—88, 95—96.

Другое направление связей — западное — ведет в Монголию и Забайкалье. Отсюда на Дальний Восток попадают бронзовые орудия. Следы земледелия, главным образом находки зернотерок, восходят здесь к неолиту. В Монголии нет такого богатства видов дикорастущих возможных предков культурных растений, какое наблюдается в маньчжурской флоре, но, очевидно, здесь в первую очередь была одомашнена лошадь.

Определенные связи между неолитом Приморья и Кореи, с одной стороны, и Японии — с другой должны были привести и привели к проникновению земледелия в Японию еще в период дзёмон⁵⁸, но настоящий расцвет японского земледелия приходит с культурой яёй, проникновение которой в Японию связывают с Кореей⁵⁹.

Еще более удивительные и далекие связи приводят нас в Полинезию и Юго-Восточную Азию. На юг, в страны, где издавна имелись высокие, плоскодонные корзины с естественно образовавшимся орнаментом из параллельных рядов вертикального зигзага, ведут нас и одинаковые по форме и узору неолитические сосуды, и такая деталь материальной культуры, как шиферные наконечники стрел. Чуждые таежным культурам, они связаны в своем истоке с древней бамбуковой культурой юга Азии, где шиферные острия и наконечники появились вместе с такими же изделиями из расщепленного бамбука и взамен их. Отдаленные связи культуры Сидеми приводят нас к юго-восточному побережью Китая, Тайваню и Индонезии. Тем интереснее поистине сенсационное сообщение о том, что «на Тайване древность земледелия простирается на 11 тыс. лет назад»⁶⁰.

SUMMARY

The article provides detailed characteristics of the Far-Eastern centre of ancient agriculture brought to light in the course of recent excavations in Primorye Territory. Archaeological sites unearthed there belong to three periods of neolithic, bronze and early iron ages (III—I mill. B. C.). The results of the investigations of Maiho site are the most important.

The main regularities in the development of agricultural tools specific for that region are established. The authors come to the conclusion that stone hoes which underwent an evolution represented by four subsequent types were replaced by the end of the 2-nd millenium B. C. with ploughshares made also of stone. The innovations in the shape of harvesting knives are described as well.

The Far-Eastern agricultural centre being not isolated from other ancient civilizations of Eastern Asia and Pacific area, the article deals with the problem of the interrelations between the population of these regions also.

⁵⁸ На о р а Н о б у о, История развития сельского хозяйства Японии в древний период, Токио, 1956 (на японск. яз.), стр. 46—50.

⁵⁹ Там же, карта на табл. 6.

⁶⁰ Ч е с т е р С. Ч а р д, Некоторые проблемы доисторической хронологии на Северо-Востоке Азии, «Сов. этнография», 1967, № 2, стр. 94.